

Александр РАТКЕВИЧ

БЕСЕДА ЛИТЕРАТОРА, ИЗДАТЕЛЯ И КРИТИКА

(Драматическая поэма)

Критик

Приятно видеть: ты не пишешь
ни о любви, собранье склок,
ни о войне, смертям оброк,
а то, бывало, так нанижешь
и столько на иголки строк
словесных формул-побрякушек,
что, как от кваканья лягушек,
казалось, лопнет голова;
и впрямь: слова, слова, слова;
хоть в них твои труды и тщанье,
но, вторя сущности небес,
предпочитаю я молчанье
потокву вздыбленных словес;
а критикнуть...

Литератор

И что?

Критик

Хоть книжку,
которой ты себя сумел,
как глотка сытая отрыжку,
прославить — надо же, удел! —
среди читателей-глупцов,
но для которой добрых слов
я не могу сказать ни грамма.

Литератор

Какая дивная реклама
полночным бдениям моим,
вот только жаль, что говорим
мы без свидетелей...

Издатель

(Входит)

Ну, прямо;
а я вам не авторитет?
Беседу вашу тет-а-тет
прервать позвольте.

Литератор

Есть ли новость?

Издатель

Сплошные новости, мой друг:

директор проявил слоновость
в уменье скрасить наш досуг,
мол, мы устроили забаву:
везде печатаем себя,
тем самым вычурную славу
себе старательно лепя;
что дали нам зазря свободу,
когда мы все в душе пажи;
а пишем, как качаем воду
на мельницу словесной лжи.

Критик

Я говорю о том же, кстати.

Издатель

Еще скажу: готов набор
очередной твоей тетради,
вот корректура.

Литератор

Бога ради;
ее читать — как пить кагор,
с той только разницей, что толком
от вычитки не запьянев,
я не пою, а вою волком,
сам на себе срывая гнев.
Всё надоело: перекуры,
похмелье, ругань... Мысли-куры
обсели строки, как насест,
рассудку нацарапав крест
своею лапою корявой;
стихи немолчною оравой
прут откровенно из меня,
на каждом перекрестке браво
о вдохновении звеня;
какое, к черту, вдохновенье —
когда хочу, тогда пишу:
рука, не зная промедленья,
душа, не ведая вожжу;
а проза... ею я в отваге
могу заполнить хоть рулон
великолепнейшей бумаги;
да толку, если испокон
кричат с ехидною прищуркой,
пожалуй, все, кому не лень:
напишешь мало — значит чурка,
напишешь много — значит пень.
Вот и попробуй в этом гаме
определиться, как в цунами.

Критик

Ну, в этом случае, видать,
уж лучше вовсе не писать.

Литератор

А как же хватка и уменье?
Поди чуток не попиши
и на огонь моей души
находит мрачное затменье.
Я понимаю, что народ
моих писаний не берет;
зачем ему рассказ, в котором,
как ни крути его скелет,
за философских слов набором
убийств и секса даже нет,
а всё о некоем благородстве
герои плачутся в юродстве;
да и кому нужны стишки,
переплетаются в которых
все больше мелкие грешки
и столь же мелкой страсти ворох.
Сегодня в моде не любовь,
а чувств подложная бредовь.
Хотя отмечу, не скрывая:
ну что с меня возможно взять,
когда, на моду не взирая,
я не могу не сочинять.

Критик

Но с точки зрения науки,
когда народ, как будто брюки,
меняет чтенья статус-кво,
то значит: чтение кроме скуки
уж не таило ничего;
и требуется мастерство,
чтоб уяснить, какие темы,
какие думы — эталон,
ведь он, читатель, — камертон,
определяющий проблемы,
которым, как своей судьбе,
сегодня должен быть причастен
писатель в творческой севбе.
И не читатели тебе,
а ты читателям подвластен.

Издатель

Позвольте всё-таки узнать:
а как насчёт предназначенья
литературы выступать
в ряду порокообличенья,
быть провозвестницей ученья,
которое, зачем скрывать,

даёт возможность нам понять
законы мироощущенья,
и сквозь обман и отреченья
уметь народы побуждать
за честь и правду постоять?

Критик

Неплохо сказано. Однако,
сейчас как раз наоборот
писатели похлеще мага
сумели усыпить народ
переложением в романы
идей, что, в сущности, плохи,
переложением в стихи
любви не плюсы, а изъяны.

Литератор

Всё тот же критиканский бред:
среди тьмы, попасть сумевшей в стремя,
на свет намёка даже нет;
а ведь известно, в наше время
писать приходится почти,
сказать помягче, за прочти,
сказать грубее, но понятно:
по высшей мерке — за бесплатно;
вот и пишу... Хотите знать:
мы стали умственно мельчать;
о чём глаголем при застолье,
о чём болтаем во дворах?
О красоте лесов, раздолье
в поутру брезжущих полях,
о хладнокровной лунной брошке,
о разрывающейся грозе,
о свете солнечном, в росе
свои теряющем сережки,
о доброте любви, спаса...?
А впрочем, вечная краса
уже приелась и банальна.
Кому потребен он, в повальной
и страстной гонке за деньгой,
литературы дух нагой?
Кому писать о правде, если
одни в политику полезли,
другие в бизнес, третьи, вишь,
себя поэтами считают,
а если что-то прочитают,
то поколеблят воздух лишь.

Издатель

Есть исключенье — кто достоин
нести, как Данко, людям свет.

Литератор

Быть может; но один не воин,
когда ему кричат вослед:
блажен ли тот, кто с детства ищет
сочувствие в глазах людей,
кто в жажде пламенных идей
по свету белым волком рыщет,
кто в очистительной тоске
нас к аскетизму призывает,
а сам с синицею в руке
в житейском счастье пребывает,
кто, презирая смерти страх, —
смотрите-ка, нашёлся гений —
беспечно жаждет наслаждений
в стихии ветра, в небесах,
кто должен после жизни брэнной
остаться в памяти красно,
а нам в безвестности презренной
быть почему-то суждено,
кто нашу нишу засекает
тайком и нашим же зерном,
а после дерзко объявляет,
что урожай он пожинает
такой, что не свезти гуртом,
кто даже Музу называет,
стеснений опрокинув рой,
женой, любовницей, сестрой...
блажен ли тот?

Критик

Никто не знает.
Но есть спасенье: говорят,
что рукописи...

Литератор

Нет, горят!
и так, что пламя обжигает
моё сознание, как яд.
(бросает рукопись в огонь)